

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31696/S086919080035021-0

ЛИКВИДАЦИЯ ОСМАНСКОГО СУЛТАНАТА
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ
В МАРОККО В НОЯБРЕ 1922 г.
(ПО ФРАНЦУЗСКИМ АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)¹

© 2026

И.Э. МАГАДЕЕВ ^а^а – МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6521-2202; iskander2017@yandex.ru

Резюме: Ликвидация Османского султаната и отделение султаната от халифата в 1922 г. стали вехой не только в развитии кемалистской Турции, но и всего Востока. Цель статьи – выявить воздействие этого решения на общественно-политическую ситуацию во французском Марокко. Анализ этой проблемы позволит раскрыть региональное значение Кемалистской революции, продемонстрировать тесную взаимосвязь между событиями в Малой Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, ответить на вопрос о том, как французские власти воспринимали угрозы политическому контролю над протекторатом после окончания Первой мировой войны. Опираясь на донесения генерального резидента Франции в Марокко маршала Ю. Лиоте, отложившиеся в Национальном архиве Франции, а также опубликованные дипломатические документы, автор раскрывает специфику функционирования французской системы в протекторате как «разведывательного государства».

Качественная разведка и контрразведка должны были снизить вероятность применения более затратных средств (прежде всего, прямого вооруженного насилия). Мониторинг общественно-политических настроений в Марокко в связи с решениями Великого национального собрания Турции вписывался в модель «разведывательного государства». Своеобразное закрытое «социологическое исследование», проведенное сотрудниками разведывательной службы, службы по делам туземцев и гражданскими контролерами, продемонстрировало воздействие Кемалистской революции на ряд групп марокканского общества. Достаточно широкое распространение получили симпатии в адрес М. Кемаля, в котором, однако, видели не столько будущего строителя светской и модернизированной Турции, сколько «чемпиона ислама» и победителя в борьбе за национальную независимость. Обеспокоенность французской администрации в связи с «эхом» Кемалистской революции в Марокко оставалась в 1922 г. небольшой. Лиоте верил в то, что его политика, основанная, помимо военной силы, на лояльности марокканских элит и демонстрации уважения к султану и религиозным чувствам мусульман, обеспечивает прочный фундамент для поддержания французской власти в протекторате.

Ключевые слова: Марокко, Турция, султанат, халифат, Лиоте, колониализм

Для цитирования: Магадеев И.Э. Ликвидация Османского султаната и общественно-политические настроения в Марокко в ноябре 1922 г. (по французским архивным документам). *Восток (Oriens)*. 2026. № 1. С. 62–73. DOI: 10.31696/S086919080035021-0

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00011>.

ABOLITION OF THE OTTOMAN SULTANATE AND SOCIO-POLITICAL SITUATION IN MOROCCO IN NOVEMBER 1922 (BASED ON FRENCH ARCHIVAL DOCUMENTS)²

© 2026

Iskander E. MAGADEEV ^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6521-2202; iskander2017@yandex.ru

Abstract: *Abolition of the Ottoman Sultanate and separation of the Sultanate from the Caliphate in 1922 seriously influenced not only the history of Kemalist Turkey but also of all Eastern countries. The article aims to identify the impact of the decision taken in Ankara on the social and political situation in the French Morocco. Basing his conclusions on the dispatches sent to Paris by the Marshal Hubert Lyautey, Resident-General of France in Morocco, which are conserved in the French National Archives, as well as in published diplomatic documents, author reveals how France functioned as the “intelligence state” in the protectorate.*

Sound intelligence and counter-intelligence were means to lessen the probability that direct military violence would be used. Scrutinizing the social and political situation in Morocco fits well into the concept of the “intelligence state”. In 1922, Lyautey’s intelligence service, service of indigenous affairs and civil controllers conducted a secret “sociological research” which showed the impact of the Kemalist revolution on different strata of the Moroccan society. Sympathy for Mustafa Kemal was widespread, though he was seen as the “champion of Islam” and national independence rather than as the future architect of secular and modernised Turkey. Nevertheless, the French administration in Morocco did not show much concern about the repercussions of the revolution. Lyautey thought that his policy which was based, besides the military force, on the loyalty of the Sultan and Moroccan elites and on respect for Islamic traditions, gave him confidence in the future.

Keywords: Morocco, Turkey, Sultanate, Caliphate, Lyautey, colonialism

For citation: Magadeev I.E. Abolition of the Ottoman Sultanate and Socio-Political Situation in Morocco in November 1922 (Based on French Archival Documents). *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 1. Pp. 62–73. DOI: 10.31696/S086919080035021-0

Ликвидация Османского султаната и отделение султаната от халифата, согласно решению Великого национального собрания Турции (ВНСТ) от 1 ноября 1922 г., стали вехой не только в развитии кемалистской Турции, но и всего Востока. Как подчеркивал М. Кемаль на заседании ВНСТ 1 ноября, «теперь эта нация поднимается против узурпаторов и, отбрасывая их, принимает на себя осуществление принадлежащего ей по праву суверенитета» [Кемаль, 1934, с. 103]. Отстранение от власти султана Мехмеда V Вахидеддина сопровождалось передачей полномочий халифа его кузену Абдул-Меджиду II, «старшему из всех оставшихся в живых представителей Османов по мужской линии» [Киреев, 2007, с. 151].

Цель статьи – выявить воздействие ликвидации Османского султаната на общественно-политическую ситуацию во французском Марокко в ноябре 1922 г. Данный вопрос представляет исследовательский интерес в силу нескольких основных причин.

² The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 22-18-00011-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00011>.

Во-первых, изучение международной реакции на реформы в Турции позволит полнее представить региональное и глобальное значение Кемалистской революции. Сам Кемаль неоднократно подчеркивал взаимосвязь между турецкой борьбой за национальную независимость и схожими движениями в других странах. Во время визита в Турцию афганского эмира Амануллы-хана в мае 1928 г. президент Турецкой республики, ссылаясь на события англо-афганской войны 1919 г., отметил: «Какие странные проявления истории, какие значимые совпадения и сходства между различными событиями в мире!». Пока афганцы в 1919 г. «сражались за свою независимость в Центральной Азии, мы сражались здесь, на Востоке Европы, на глазах у всего цивилизованного мира, подставляя грудь под удары, направленные против нашей независимости и свободы» (цит. по: [Perinçek, 2023, p. 30]).

Во-вторых, ответ на поставленный вопрос покажет, каким образом французские власти воспринимали угрозы своему политическому контролю над протекторатом Марокко после окончания Первой мировой войны. В этот период к традиционным рискам – соперничеству с колониальными державами (Великобританией, Испанией, Италией), а также с Германией – добавились новые. Кемалистская революция, наряду с «эхом» Октябрьской революции в России, а также «вильсонизмом» [Manela, 2007], спровоцированным идеями президента США В. Вильсона о праве наций на самоопределение, рассматривалась французскими колониальными администраторами как одна из ключевых новых угроз.

В-третьих, интерес представляет вопрос о взаимосвязи между событиями в Малой Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Постановка вопроса о наличии (или отсутствии) такой взаимосвязи применительно к событиям 1922 г. способствует комплексному изучению международно-политических и социальных процессов в указанных регионах. Это важно и при анализе более современных реалий, в т.ч. «Арабской весны» 2011 г. [Долгов, 2016].

Вопрос о восприятии Кемалистской революции в странах Магриба в 1920-е гг. уже затрагивался в работах французской исследовательницы О. Моро [Moreau, 2003] и американской исследовательницы Ф.-Э. Туилилы [Touilila, 2024]. Однако разработку этого вопроса можно углубить и расширить.

Источниковую базу статьи составили документы, отложившиеся в личном фонде президента Третьей Республики А. Мильерана (занимал пост в 1920–1924 гг.). Фонд хранится в Национальном архиве Франции. Прежде всего, речь идет об официальных донесениях, а также частных письмах и посланиях, которые Мильерану направлял близкий к нему генеральный резидент Франции в Марокко, маршал Ю. Лиоте (занимал пост в 1912–1925 гг.) [AN, 470 AP 82]³. Лиоте являлся подлинным правителем протектората, оказывая решающее влияние на марокканского султана Мулая Йусуфа (занимал престол в 1912–1927 гг.). Как отмечал авторитетный отечественный арабист Р.Г. Ланда, Лиоте сочетал «политику уважения и обходительности», восхваление «самобытности и экзотики Марокко» с предельно жесткой административной политикой; «соблюдая внешний этикет» в отношении местной элиты, он «требовал от них полного повиновения» [Ланда, 2006, с. 237]. Наряду с архивными материалами из фонда Мильерана в статье использованы опубликованные тома французских дипломатических документов [DDF, 1997; 2005; 2008; 2013(1); 2013(2)] и тексты речей Лиоте [Lyautey, 1927]. Опираясь именно на французские источники, автор не претендует на всеохватное освещение вопроса о реакции в Марокко на кемалистские реформы, однако стремится внести новые нюансы в его понимание.

В методологическом отношении статья опирается на концепцию «разведывательного государства». Она была предложена британским историком М. Томасом с целью подчеркнуть повышенную роль разведывательных и контрразведывательных структур Великобритании

³ Пагинация в данном архивном деле отсутствует.

и Франции при осуществлении контроля над зависимыми территориями арабского мира в межвоенный период [Thomas, 2007].

Автор также стремится вписать статью в контекст постколониальных исследований в России и за рубежом. Одна из современных историографических тенденций – написание «транснациональной истории», которая не будет ограничиваться «билатеральным» анализом отношений между центром (метрополией) и периферией (той или иной зависимой территорией) [Мирзеханов, 2023]. Рассмотрение того, как Кемалистская революция в Турции воспринималась в Марокко (через призму оценок французских властей протектората), позволит продемонстрировать взаимосвязи, существовавшие не только между ситуацией в различных странах Востока, но также между историей метрополии и подчиненных ей владений.

ФРАНЦУЗСКАЯ РАЗВЕДКА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТРОЛЯ И МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В МАРОККО

Военно-разведывательный инструментарий был важной составной частью французской политики в протекторате. Наряду с непосредственным применением вооруженной силы в рамках продолжавшегося в 1921–1926 гг. «умиротворения» Марокко (тогда «французы сконцентрировали усилия на овладении горным районом Рифа» [Сергеев, 2001, с. 71]), важную роль играло отслеживание общественно-политических настроений марокканского общества.

Ключевую организационную роль в этом смысле играли подчиненные Лиоте разведывательная служба и т.н. служба по делам туземцев⁴. В рассматриваемый период должность главы обеих служб занимал генерал Э.Д. Морьяль, также являвшийся командующим войсками в округе с центром в г. Фес [Reygonnet, 1930, p. 565].

Подобная административная увязка между разведкой и службой по делам туземцев была показательной для характеристики Франции как «разведывательного государства». Аппарат разведывательной службы в Марокко (с центром в Рабате) был достаточно разветвленным. В состав службы (по состоянию на 1921 г.) входили региональные центры (Мекнес, Фес, Таза, Марракеш, Уджда; каждый из них, в свою очередь, был разделен на меньшие округа). Эта система также включала в себя центр внешней разведки в Танжере и центр гражданского контроля над берберской конфедерацией земмур в Тифлете [*Ministère de la Guerre*, s.d., p. 1319–1325].

Разведывательно-информационный компонент рассматривался Лиоте и его администрацией как инструмент превентивного действия с целью не допустить появления широкомасштабных антифранцузских движений. В донесении от 17 ноября 1922 г. генеральный резидент сообщал в Париж о том, что «в Марокко круг революционеров ограничен несколькими изолированными индивидами. За ними легко следить и при необходимости их легко выслать. Хотя образованная молодежь интересуется тем, что происходит на Востоке, она не составляет партии “младотурок”, аналогичной тем, что существуют в Алжире и Тунисе. Среди этой молодежи доминирует чувство верности султану, который предстает фундаментом морального порядка и мира» [AN, 470 AP 82].

Плотный контроль за общественными настроениями являлся частью «компенсаторной стратегии» колониальных властей [Thomas, 2007, p. 298, 302]. Качественная разведка и контрразведка, наряду с другими невоенными инструментами, должны были снизить

⁴ Уничжительный термин «туземцы» (*indigènes*) активно применялся во французских документах. Для соблюдения исторической достоверности он используется при цитировании, но без всякой пейоративной окраски.

вероятность и масштабы применения более затратных средств (прежде всего, прямого вооруженного насилия).

В этом отношении Марокко рассматривалось французскими колониальными администраторами как успешный пример [DDF, 1997, р. 207]. В письме Мильерану от 20 января 1922 г. Лиоте апологетически отзывался о собственной политике: «Несмотря на наше присутствие, в глазах представителей исламского мира Марокко в некотором смысле приобретает статус “мусульманского государства” ввиду осторожности, с которой мы применяем свои права государства-протектора...» [AN, 470 AP 82]. Генеральный резидент рассчитывал сделать Марокко своего рода «витриной» колониальной политики Франции, которая обеспечит ей позитивный имидж во всем исламском мире.

В личной записке от 4 марта 1924 г., отправленной военному атташе Франции в Испании майору П.М. Кавалье де Кювервиллю, Лиоте подчеркнул, что вся его политика в Марокко держалась на взаимодействии с султаном и на создании видимости реализации его воли, а также на «уважении ислама». Отказ от этой линии привел бы, согласно Лиоте, к тому, что «все рухнет, и для сохранения наших позиций нам понадобится уже не 20 000 французов, а целая армия, передислоцированная из метрополии, а также огромные денежные средства. И даже при такой ситуации не будет никаких гарантий. Если волна исламизма и ксенофобии поднимется, ее последствия будут неисчислимы» [DDF, 2013(2), р. 301].

Лиоте явно преуменьшил численность подконтрольных французской администрации войск, дислоцированных в Марокко (правда, они состояли не только из французов, но и местных жителей). В январе 1921 г. их численность составляла 95 тыс. человек, снизившись до 65 тыс. человек к марту 1924 г., но затем увеличившись до 150 тыс. человек в сентябре 1925 г., в условиях полноценного вовлечения Франции в войну против рифов [Rivet, 1988, р. 63]. Как признавал Лиоте в записке от 24 мая 1922 г., адресованной председателю Совета министров и министру иностранных дел Третьей Республики Р. Пуанкаре, французское присутствие в Марокко держалось отнюдь не только на умелой политике и инструментах «мягкой силы», но и на «грубых военных действиях, которые мы до сих пор вынуждены применять на многих территориях» протектората [AN, 470 AP 82].

ВОСПРИЯТИЕ КЕМАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВЛАСТЯМИ ФРАНЦУЗСКОГО МАРОККО

События греко-турецкой войны 1919–1922 гг. и начального этапа Кемалистской революции отнюдь не прошли в Марокко незамеченными. После победы кемалистских сил при Думлупынаре (26–30 августа 1922 г.) великий визирь Марокко Мухаммед ал-Мукри заявил: «Победа турок очень обрадовала. Эта победа вызвала в Марокко сильное воодушевление. Хотя наша страна и не поддерживает особенно близких связей с Турцией, все же наши симпатии на ее стороне» (цит. по: [Шамсутдинов, 1966, с. 277]). 16 сентября 1922 г. французское генеральное консульство сообщало из Танжера о том, что кемалистские успехи в войне против Греции вызывают у марокканцев «глубокое удовлетворение» (цит. по: [Moreau, 2003, р. 63]).

Подобная реакция двойственно воспринималась французскими властями. С одной стороны, заложенный в Кемалистской революции запал борьбы за национальную независимость вызывал опасения. Пуанкаре был насторожен. В циркулярной телеграмме послам и посланникам Франции от 18 сентября 1922 г. он подчеркнул, что «турецкие победы имеют последствия для ситуации в Тунисе, Алжире и Марокко. Эти победы создают чрезмерные надежды у кемалистов. С нашей точки зрения, было бы крайне опасно подпитывать турецкое самолюбие в настоящее время неосторожными шагами» [DDF, 2008, р. 285].

После ликвидации султаната верховный комиссар Франции в Константинополе генерал М. Пелле продолжал считать халифа Абдул-Меджида II главным проводником интересов стран Антанты и призывал не отказывать тому в поддержке [Touilila, 2024, p. 177].

С другой стороны, в Париже полагали, что Франция за счет своего дипломатического маневрирования, примером которого стал Анкарский договор от 20 октября 1921 г., поддерживала более дружественные отношения с Кемалем, чем другие западные страны (прежде всего – Великобритания) [Магадеев, 2022]. 21 декабря 1921 г. Лиоте передал в Париж слова марокканского султана о поддержке им и всеми мусульманами Марокко Анкарского договора между Францией и кемалистской Турцией. Мулай Йусуф желал, чтобы между Кемалем и османским султаном установилось согласие [DDF, 2005, p. 76, note 1]. Во время переговоров с министром иностранных дел Великобритании Дж.Н. Керзоном, которые состоялись 20 сентября 1922 г. в Париже, Пуанкаре сослался на полученное им от Лиоте письмо. В нем говорилось о том, что «в Марокко возникнут серьезные проблемы в случае войны (Антанты. – И.М.) против Турции» [DDF, 2008, p. 303].

Движение Кемаля не рассматривалось Лиоте и его администрацией в Марокко как *a priori* враждебное французским интересам. В записке от 20 января 1922 г., адресованной президенту Франции, генеральный резидент оптимистически писал о том, что «в будущем мы сможем использовать весь исламский мир (подчеркнуто в экземпляре записки, отложившейся в личном фонде Мильерана. – И.М.) – неоценимую моральную силу, человеческий резервуар, который, пусть и не представляет собой совокупности организованных и вооруженных государств, доказал тем, что произошло в Анкаре, на какие ответные действия он способен» [AN, 470 AP 82]. Развивая эту мысль в недатированной записке, которая также сохранилась среди бумаг Мильерана, Лиоте строил планы закрепления и расширения французского влияния в исламском мире с опорой на следующие территории: «Марокко – Северная Африка – Бейрут – Анкара – Константинополь» [AN, 470 AP 82].

Однако решение ВНСТ от 1 ноября 1922 г. воспринималось намного более настороженно. Лишение султана власти как таковое, а также разделение принадлежавших ему ранее светских и религиозных полномочий рассматривались французской администрацией в Марокко как опасный прецедент, который мог взбудоражить умы населения протектората.

Решение ВНСТ свидетельствовало о растущем контрасте между развитием Кемалистской революции и исламской политикой французских властей. Было символично, что по времени реформа совпала с совсем другими мерами Парижа, направленными на обеспечение лояльности подданных-мусульман. 19 октября 1922 г. Лиоте принял участие в закладке первого камня в основание Парижской соборной мечети. В речи, произнесенной в связи с этим событием, он говорил о конвергенции интересов между «либеральной, трудолюбивой и уважающей порядок Францией», с одной стороны, и «обновленным и омолодившимся исламом» – с другой [Lyautey, 1927, p. 374]. 4 ноября, в связи с недавно прошедшим маулидом (празднованием Дня рождения пророка Мухаммеда), Лиоте и Мулай Йусуф обменялись любезными речами. Генеральный резидент говорил «о политике Республики, полной глубокой симпатии и мирного воздействия на мусульман Запада», а султан Марокко хвалил «сердечный союз между исламом и Францией» [AN, 470 AP 82].

Решение ВНСТ о разделении султаната и халифата грозило, как опасались в Париже, дестабилизировать прошлую иерархию политико-религиозных связей и открыть своеобразную гонку за статус халифа всех мусульман. Особые опасения французская дипломатия испытывала в связи с возможными попытками королей Хиджаза из династии Хашимитов получить такой статус. Хашимиты считались подконтрольными британцам – традиционным противникам Франции в борьбе за влияние на Ближнем Востоке [DDF, 2013(2), p. 280].

Еще в июле 1921 г., в связи с обсуждением идеи о созыве исламского конгресса в Мекке, французская дипломатия была всерьез обеспокоена. Высокий комиссар Франции в Леванте генерал А. Гуро рекомендовал МИД Третьей Республики инструктировать французские власти в Алжире, Тунисе и Марокко защищать идею о том, что центром халифата должен оставаться Стамбул [DDF, 2005, р. 166, note 2]. В ноябре 1922 г. Пуанкаре выступил против идеи о наделении статусом халифа тунисского бей Мухаммеда аль-Хабиба (Тунис имел статус протектората Франции). Пуанкаре полагал, что подобный шаг дискредитирует французские власти: «Все в исламском мире будут считать, что бей – суверен, находящийся под защитой Франции – сделал это по приказу французского правительства» [DDF, 2008, р. 554].

В июле 1921 г., размышляя о судьбе халифата, председатель Совета министров и министр иностранных дел Третьей Республики А. Бриан исходил из того, что наиболее выгодным для Парижа вариантом будет сохранение статус халифа за турецким султаном, «на которого Франция традиционно оказывала влияние» [DDF, 2005, р. 75]. Вместе с тем Бриан отметил, что Франции невыгодно напрямую вмешиваться в религиозные вопросы исламского мира. К тому же, если говорить о Марокко, «для марокканцев их халифом является султан» [DDF, 2005, р. 75].

Более того, как писал Пуанкаре в послании от 18 августа 1922 г., предназначенном для Лиоте, французские власти были заинтересованы в защите «духовных прерогатив и светской власти» султана «на всем протяжении его империи» [AN, 470 AP 82]. Формально отстаивая права Мулая Йусуфа, французская дипломатия де-факто стремилась использовать эти аргументы в собственных интересах, например, для «проникновения» в испанскую зону Марокко [DDF, 2013(2), р. 301, note 1] или для борьбы против британских планов интернационализации стратегически важного порта Танжер [DDF, 2007, р. 44]. Заявления испанской прессы о том, что Мулай Йусуф является «султаном французской зоны в Марокко» вызывали протесты французской дипломатии и правительства. Последние, как то делал, например, Мильеран в ноябре 1921 г., настаивали на том, что права султана распространяются на всю территорию Марокко, включая испанскую зону [DDF, 2005, р. 679, note 2].

Однако власти Третьей Республики не были заинтересованы и в том, чтобы амбиции марокканского султана становились чрезмерными. 19 марта 1924 г., уже после упразднения Османского халифата, Пуанкаре на страницах записки для высокого комиссара Франции в Леванте генерала М. Вейгана выступил против идеи о расширении религиозных прав правителя Марокко: «Несмотря на лояльность Мулая Йусуфа, мы совершенно не заинтересованы в укреплении его религиозной власти. Нам необходимо самым тщательным образом избежать всяких действий, которые поспособствуют расширению этой власти на другие части Северной или Западной Африки. Пусть лучше тунисский бей станет халифом для тунисцев, чем марокканский султан – халифом всего французского ислама» [DDF, 2013(2), р. 282].

Эта мысль Пуанкаре свидетельствовала о серьезной трансформации позиции Парижа по сравнению с периодом Первой мировой войны. В 1915 г. Лиоте, размышляя о возможном поражении Османской империи и конце Османского халифата, строил планы создания «магрибинского халифата» во главе с Мулай Йусуфом. Лиоте рассчитывал, что такой вариант позволит французским властям с большим успехом обеспечить лояльность подданных-мусульман [Ardic, 2012, р. 196–197].

ЗАКРЫТОЕ «СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ» АДМИНИСТРАЦИИ ЛИОТЕ

Ввиду совокупности причин, обозначенных выше, Лиоте и власти в Париже были крайне заинтересованы в том, чтобы иметь как можно более точное представление о том, как решение ВНСТ от 1 ноября 1922 г. воздействовало на различные слои марокканских элит

и общества. Основными поставщиками подобной информации выступили представители французской администрации на местах – военные офицеры-разведчики и гражданские чиновники (т.н. гражданские контролеры). Согласно логике Лиоте, зафиксированной еще в приказе от 22 марта 1912 г., по мере «умиротворения» Марокко зона военного контроля должна была сокращаться, а управление все большими территориями постепенно переходить в руки гражданским контролерам [Méraud, 1990, p. 62]. К началу 1920-х гг. этот процесс был отнюдь не завершен.

Отчеты с мест, поступавшие Лиоте с 10 ноября 1922 г., были суммированы последним в двух донесениях в Париж от 15 и 17 ноября. Они были адресованы Пуанкаре и переправлены Мильерану. Все материалы Лиоте также отправил в МИД Франции, в официальном подчинении которому (в качестве генерального резидента в Марокко) он находился [АМАЕ, 55 СРСОМ 3].

Взятые вместе, эти донесения и рапорты составили своеобразное закрытое «социологическое исследование» настроений марокканского общества в связи с ликвидацией Османского султаната. Аналогия с социологическим исследованием представляется уместной и ввиду того, что ряд французских колониальных администраторов (в т.ч. в Марокко) не был чужд популярным тогда в образованной среде идеям социолога Э. Дюркгейма и отчасти использовал их при анализе местных обществ [Bauyl, 2012]. Гражданский контролер в области Абда, офицер и писатель М. лё Гле даже предварил донесение от 10 ноября 1922 г. своего рода методологической ремаркой: «Я стремился оставить в стороне всякие личные предпочтения и лишь резюмировать, без всяких комментариев, то, что я слышал» [AN, 470 AP 82].

Всего в архивном фонде Мильерана отложились тексты десяти донесений подчиненных Лиоте и двух донесений самого генерального резидента. Отчеты поступили от следующих представителей французской администрации – упомянутого выше генерала Морьяля, советника при султана Марокко генерального консула Р. Марка, командующего войсками в регионе с центром в г. Марракеш генерала А.Ж. Догана, начальника регионального центра службы разведки в Мекнесе генерала Ж.-Ф. Поеймиро, гражданских контролеров в городах Касабланка, Уджда, Мазаган (ныне – Эль-Джадида), Кенитра, Могадор (ныне – Эс-Сувейра), Сафи. Дополнительно привлечен доклад главы мусульманского коллежа в Фесе и будущего главы службы по делам туземцев в Марокко подполковника П. Марти от 18 ноября 1922 г. [Touilila, 2024, p. 178].

Указанные донесения разнились по содержанию и оценкам. Если высокопоставленные Марк и Доган стремились дать широкую оценку самому решению ВНСТ, то гражданские контролеры, как правило, лишь суммировали информацию о настроениях населения с подведомственных им территорий.

Марк фиксировал ситуацию «глубокого удивления» в марокканских правительственных кругах в связи с «неразумным действием» Анкары. Имелся страх перед тем, что «этот опасный пример, который подали турки, поспособствует схожим действиям других мусульманских народов». Тема преимущественного недовольства решением ВНСТ (особенно – со стороны марокканских элит (нотаблей)) фигурировала в сообщениях из Касабланки, Феса и Могадора [AN, 470 AP 82].

Особое внимание Марк уделил теме некоего большевистского влияния на Кемаля: «... просвещенные марокканцы склонны думать, что идея разделения светской и духовной власти не могла зародиться в голове мусульманина. Они считают, что вдохновителями этого шага были большевики...» [AN, 470 AP 82]. Отголоском этой идеи стали слова Лиоте в донесении в Париж от 15 ноября. Генеральный резидент подчеркивал неоднородность политических сил, представленных в ВНСТ, и считал, что решение о разделение светской

духовной и власти было результатом превосходства неких «экстремистов», с которыми боролся Кемаль [AN, 470 AP 82].

Для донесения Догана был характерен умеренный тон. Генерал не верил, что решение ВНСТ действительно спровоцирует глубокий раскол в мусульманском мире, и полагал, что действия Франции, «друга ислама», могут направить марокканское общественное мнение в нужное для Парижа русло. В ликвидации султаната и разделении светской и духовной власти, согласно генералу, «надо видеть большевистский маневр, направленный на реализацию бессмертного идеала русского народа, а именно желания изгнать полумесяц из Константинополя и контролировать Проливы». Общий вывод Догана отличался спокойствием. Кемалистская реформа «не будет иметь политических последствий в Марокко, поскольку в любом случае молитва осуществляется от имени нашего султана» [AN, 470 AP 82]. Гражданский контролер в Касабланке П.-М. Лоран смотрел на открывавшиеся перспективы с несколько большей тревогой, чем Доган. Он не исключал «зарождающейся схизмы» между «всем исламом и турецкими националистами, притом что последние завоевали симпатии всего мусульманского мира» своей прошлой борьбой против западных держав [AN, 470 AP 82].

Говоря о настроениях в Фесе, генерал Морьяль отметил «общее плохое впечатление» в связи с кемалистской реформой. С его точки зрения, «мусульмане были смущены решением Анкары» [AN, 470 AP 82]. Марти смотрел на ситуацию иначе. Согласно ему, марокканские улемы (алимы) поддерживали кемалистские изменения, рассматривая османский халифат как устаревшую институцию [Touilila, 2024, p. 178]. Мысль том, что сторонники прогрессистских взглядов – «крайне незначительное меньшинство» – одобряют это решение, присутствовала в донесении от 10 ноября из Уджды [AN, 470 AP 82].

В отчете из Мекнеса от 14 ноября генерал Поеймиро отметил, что большинство мусульманского населения города все еще не рассматривало ликвидацию Османского султаната как окончательную. В отличие от других проанализированных выше донесений, Поеймиро сделал больший акцент на том, что оценки мусульман на подведомственной ему территории различались в зависимости от уровня их образования и материального статуса (что часто было взаимосвязанными вещами): «Образованные туземцы недовольны турецким султаном, потерявшим всякий престиж в пользу Мустафы Кемалья. Последнего считают героем ислама, его появление (на исторической арене. – *И.М.*) воспринимают с радостью. Менее образованное население, озабоченное прежде всего своим материальным положением, видит в событиях, произошедших на Востоке, триумф мусульман. С религиозной точки зрения, личность халифа мало волнует мусульман Мекнеса... Многие даже говорят о том, что будут рады, если ассамблея в Анкаре наделит Мустафу Кемалья как светской, так и духовной высшей властью» [AN, 470 AP 82]. В донесении лё Гле присутствовала схожая мысль о том, что «любой лидер, претендующий на политическое и моральное лидерство в исламском мире, должен быть обладателем светской власти». Лё Гле привел такие слова одного из респондентов: светская власть, «кажется, перешла в руки кемалистов, и каждый мусульманин должен смириться с ним. Такова воля Бога» (подчеркнуто в тексте донесения. – *И.М.*) [AN, 470 AP 82].

Из рапортов французских представителей следовало, что решение ВНСТ волновало преимущественно образованное городское население. В сообщении главного контролера из Кенитры от 10 ноября было отмечено: «Редкие образованные горожане до сих пор не знают о решении Национального собрания в Анкаре...» [AN, 470 AP 82]. Еще меньший интерес к этому событию, как свидетельствовал лё Гле, проявили крестьяне из подведомственной ему области Абда [AN, 470 AP 82].

В целом ряде донесений (из Касабланки, Кенитры, Мазагана и Сафи) присутствовала идея о критических голосах местного населения в адрес Великобритании, которую считали

главным противником Кемаля [AN, 470 AP 82]. Как и в случае размышлений Марка о большевистском влиянии на решение ВНСТ, можно предположить, что французские чиновники не только передавали настроения с мест, но и транслировали собственные опасения.

На контрасте с предполагаемым антибританским настроем марокканцев подчиненные Лиоте с готовностью описывали верноподданнические чувства населения в отношении Франции, а генерал Доган даже подчеркнул, что «все глаза устремлены на то, какую позицию займет Франция и ее союзники» в отношении кемалистских реформ [AN, 470 AP 82]. Подобное описание, скорее, отражало желаемый французскими чиновниками образ действительности, нежели полностью соответствовало реальности.

В обобщающих донесениях в Париж Лиоте суммировал информацию, поступившую с мест, и дал ей концептуальную оценку [AN, 470 AP 82]. Генеральный резидент стремился разделить реакцию в Марокко на ликвидацию Османского султаната, с одной стороны, и на разделение светской и духовной власти, с другой. Первое событие «произвело в целом, если не говорить о султана и его непосредственном окружении, положительное впечатление на туземцев. В этой среде Мехмеда V рассматривали как человека, сознательно или несознательно являвшегося инструментом в руках англичан...». Лиоте не отрицал, что Кемаля, «чемпиона ислама, окруженного ореолом победы», позитивно воспринимали в самых различных кругах марокканского общества.

Однако реакция на разделение светской и духовной власти, согласно генеральному резиденту, «встретила намного меньше понимания. Этот шаг оказался неожиданным для большинства марокканцев... В целом вырисовывается картина удивления, недовольства и тревоги. Все это дело обернулось для нас нелучшим образом, поскольку оно вызвало обеспокоенность среди наших друзей-мусульман в Марокко и, как следствие, создало удобную почву для антифранцузской пропаганды среди диссидентов». К этим диссидентам, реальное влияние которых расценивалось как совсем небольшое, Лиоте относил «молодых марокканских интеллектуалов». Последних кемалистская Турция вдохновляла как образец «защитницы мусульманского сообщества» и пример страны, успешно боровшейся за национальную независимость, притом что «во главе нее не стоял ни султан, ни халиф». Общий вывод Лиоте отличался спокойствием. Он подчеркнул доминирование консервативных настроений в марокканском обществе и чувства верности султану, «который все больше рассматривается как главная опора морального мира и порядка». Согласно генеральному резиденту, во Франции видели гаранта и защитницу против «революционного духа Анкары» [AN, 470 AP 82].

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ мониторинга общественно-политических настроений во французском Марокко по вопросу о кемалистской реформе 1 ноября 1922 г. дал ценный материал для понимания функционирования французского протектората. Внимательно отслеживавший потенциальные очаги антифранцузских протестов, Лиоте отводил повышенную роль разведывательному компоненту в деятельности своей администрации. Этот вывод вписывается в концепцию «разведывательного государства», предложенную М. Томасом.

«Социологическое исследование», проведенное сотрудниками разведывательной службы, службы по делам туземцев и гражданскими контролерами, продемонстрировало воздействие Кемалистской революции на ряд групп марокканского общества. Достаточно широкое распространение получили симпатии, объектом которых стал Кемаль. Однако в нем видели не столько будущего строителя светской и модернизированной Турции, сколько «чемпиона ислама» и победителя в борьбе за национальную независимость. В целом

обеспокоенность французской администрации в связи с «эхом» Кемалистской революции в Марокко оставалась в 1922 г. небольшой. Лиоте верил в то, что его политика, основанная, помимо военной силы, на лояльности марокканских элит и демонстрации уважения к султану и религиозным чувствам мусульман, обеспечивает достаточно прочный фундамент для поддержания французской власти в протекторате.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

AMAE – Archives du Ministère des Affaires étrangères.

AN – Archives Nationales de la France.

AP – Archives Privées.

CPCOM – Correspondance politique et commerciale 1914–1940.

DDF – Documents diplomatiques français 1920–1932.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Долгов Б.В. *Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы*. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: УРСС, 2017 [Dolgov B.V. *Phenomenon of “Arab Spring” in 2011–2016: Causes, Development, Prospects*. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria. Moscow: URSS, 2017 (in Russian)].

Кемаль М. *Путь новой Турции 1919–1927*. Т. 4. М.: Б.и., 1934 [Kemal M. *Path of the New Turkey, 1919–1927*. Vol. 4. Moscow, 1934 (Russian translation)].

Киреев Н.Г. *История Турции. XX век*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007 [Kireev N.G. *History of Turkey. 20th Century*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2007 (in Russian)].

Ланда Р.Г. Марокко: сопротивление режиму протектората. *История Востока: в 6 т.* Т. 5. Отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: Наука, 2006. С. 235–245 [Landa R.G. Morocco: Resisting the Protectorate Regime. *History of the Orient: in 6 vols*. Vol. 5. R.G. Landa (ed.) Moscow: Nauka, 2006. Pp. 235–245 (in Russian)]

Магадеев И.Э. «Французский фактор» в развитии Чанакского кризиса (сентябрь–октябрь 1922 г.). *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 66–77 [Magadeev I.E. The “French factor” and the dynamics of the Chanak crisis (September–October 1922). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 66–77 (in Russian)].

Мирзеханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии. *История*. 2023(14). Спец. выпуск. [Mirzekhanov V.S. The Phenomenon of Colonialism in World History: Themes and Trends in Recent Historiography. *History*. 2023(14). Special Issue. <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (accessed: 15.05.2025) (in Russian)].

Сергеев М.С. *История Марокко. XX век*. М.: ИВ РАН, 2001 [Sergeev M.S. *History of Morocco. 20th Century*. Moscow: IOS RAS, 2001 (in Russian)].

Шамсутдинов А.М. *Национально-освободительная борьба в Турции. 1918–1923 гг.* М.: Наука, 1966 [Shamsutdinov A.M. *National Liberation Struggle in Turkey. 1918–1923*. Moscow: Nauka, 1966 (in Russian)].

Arđıç N. *Islam and the Politics of Secularism: The Caliphate and Middle Eastern Modernization in the Early 20th Century*. London–New York: Routledge, 2012.

Bayly S. French Anthropology and the Durkheimians in Colonial Indochina. *Engaging Colonial Knowledge: Reading European Archives in World History*. R. Roque, K. Wagner (eds.) Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 184–216.

Documents diplomatiques français. 1920. T. 1. Paris: Imprimerie Nationale, 1997.

Documents diplomatiques français. 1921. T. 2. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang, 2005.

Documents diplomatiques français. 1922. T. 1. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang, 2007.

Documents diplomatiques français. 1922. T. 2. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang, 2008.

- Documents diplomatiques français*. 1923. T. 2. Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang, 2013(1).
- Documents diplomatiques français*. 1924. T. 1. Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang, 2013(2).
- Lyautey L.H.G. *Paroles d'action: Madagascar – Sud-Oranais – Oran – Maroc (1900–1926)*. Paris: A. Colin, 1927.
- Manela E. *The Wilsonian Moment: Self Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Méraud M. *Service des Affaires indigènes du Maroc: Histoire des goums marocains*. Vol. 3. Arceuil: La Koumia, 1990.
- Ministère de la Guerre. *Annuaire officiel des officiers de l'armée française. Troupes métropolitaines et troupes coloniales pour 1920–1921*. Paris: Berger-Levrault, s.d.
- Moreau O. Echoes of National Liberation: Turkey Viewed from the Maghrib in the 1920s. *Nation, Society and Culture in North Africa*. J. McDougall (ed.) London: Frank Cass, 2003. Pp. 59–71.
- Perinçek Ş. The Kemalist Revolution and Asia. *BRIQ Belt & Road Initiative Quarterly*. 2023. Vol. 4. No. 4. Pp. 28–38.
- Peyronnet R. *Livre d'or des officiers des Affaires indigènes, 1830–1930*. T. 2. Alger: Imprimerie Algérienne, 1930.
- Rivet D. *Lyautey et l'institution du Protectorat français au Maroc, 1912–1925*. Vol. 2. Paris: L'Harmattan, 1988.
- Thomas M. *Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley: University of California Press, 2007.
- Touilila F.-E. Debating the Future of the French Colonial Empire on the Eve of the Ottoman Caliphate. *The Abolition of the Ottoman Caliphate, 1924: Debates and Implications*. E. Giunchi, N. Melis (eds.) London: Routledge, 2024. Pp. 168–180.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАГАДЕЕВ Искандэр Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института (университета) международных отношений, Москва, Россия.

Iskander E. MAGADEEV, PhD (History), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia.